

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Константин Паустовский

Есть писатели, книги которых перечитываешь много раз и всегда находишь в них новые красоты. Одним из таких был Константин Георгиевич Паустовский. Он заслуживает внимания и как писатель, и как человек.

В личной жизни он был чрезвычайно прост, скромен и нетребователен. О себе он говорит в предисловии к книге «Избранная проза», вышедшей в издательстве «Художественная литература» в Москве в 1965 году: «Писать о своих книгах, о себе и своих писательских планах — занятие трудное и неблагоприятное. В нем есть какой-то приниженный нескромности».

Писать Паустовский начал еще в гимназические свои годы, и, как многие другие писатели, начал со стихов. Позже он сжег их без всякого сожаления из-за «красивости», поняв, что простота и правда выше изысканных слов. Еще в гимназические годы, когда был напечатан первый его рассказ, он понял, что «главное для писателя с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи и тем отобразить свое время и свой народ... Свобода в трактовке материала, ясность и «выпуклость» языка — вот к чему должен стремиться писатель».

За свою довольно продолжительную жизнь он исколесил всю Россию, но Таруса, где он провел последние годы своей жизни, приковала его больше других мест своей тишиной, своеобразием природы, вдали от шума городской жизни. Каждая местность, которую он посетил, нашла отображение в его произведениях, но имя его стало широко известно после появления в печати «Кара-Бугаза», который он начал писать находясь еще в Солдатке. Из других вещей самые известные (кроме повести «Черное море» и «Золотая роза») «Повесть о жизни», куда вошли: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг» и «Книга скитаний». Это автобиографические очерки, рисующие его время и его людей. В последнее издание («Художественная литература» 1967 года) вошли: «Романтики», «Блестящие облака», «Кара-Бугаз» и «Колхида».

Константин Паустовский жаждет к жизни. Ему хочется видеть как можно больше и, кажется, что видел он так мало, хотя, кроме своей страны, побывал и за границей. «Я думал о том, что много видел, но, как всегда, мне было мало этого... нам нужна вся земля со всеми ее заманчивыми уголками. Мы хотим видеть весь мир», — пишет он.

А время бежит и никто не может остановить стремительности его бега. В «Ильинском омуте» он сожалеет об этом: «Не успеешь опомниться, как уже блекнет молодость и тускнеют глаза... свои сожаления есть у каждого дня, а порой и у каждого часа. Сожаления просыпаются утром, но не всегда засыпают ночью... Наряду с самым сильным сожалением о быстротечности времени есть еще одно, лирическое как смолта. Это сожаление о том, что не удалось, да пожалуй, не удастся увидеть весь мир в его ошеломляющем и таинственном разнообразии. Да что там мир! На знакомство даже со своей страной не хватает ни времени, ни здоровья». И в утешение себе добавляет: «Можно даже, сидя всю жизнь на одном стульчике увидеть необыкновенно много. Все зависит от пытливости и от остроты глаза».

И всю жизнь учился у природы и у жизни. Так, изучая море и язык моряков, он начал читать логии — справочные книги для капитанов. Первой, попавшей ему в руки, была логия Черного и Азовского морей и он был поражен точным и неуловимо своеобразным ее языком. «Существование своего рода закон воздействия писателя

на читателя», — пишет он. И он работал над каждым словом, не только вдумываясь в него, но стараясь перечувствовать его значение до конца.

Часто какое-либо слово останавливало его внимание, поражаало, заставляло над ним задуматься. Так однажды он был поражен словами мальчика, сказавшего ему: «Пойдем смотреть грома». И мальчик был прав, употребив это слово во множественном числе, так как гремело со всех сторон. Было: не один гром, а много.

Другой раз его поразило слово «свей» в стихах Есенина и он долго не мог узнать, что оно означало.

**И меня по ветряному свую,
Поведут с веревкою на шею
По тому ль песку,
Положить тоску.**

Через несколько лет, гуляя с писателем — краеведом Юриным по берегу реки, на песке которого лежала волнистая рябь, Юрин, указав Паустовскому на нее, спросил, знает ли он, как эта рябь называется. Паустовский не знал. «Свей. Ветер ссекает песок в эту рябь, потому и такое слово».

Все новые, услышанные им слова, Паустовский складывал в копилку своей памяти и в нужный момент находил подходящее для своих произведений. Позже у него зародилась мысль, что хорошо было бы составить, кроме уже существующих, несколько новых словарей русского языка: словарь природы, метких местных слов, слов, связанных с различными профессиями и словарь мертвых, мусорных слов, канцелярских и пошлости, вошедших в русскую литературу и засоряющих язык. Может быть, из-за такого чуткого отношения к языку в его произведениях рассыпаны перлы ойразно-красочных выражений.

Паустовский живет одной жизнью с природой. Для него нет неодушевленных предметов. Не только вся природа, но и другие вещи им оцелованы. Так о двери он пишет: «От сквозняков двери с вырванными замками сами по себе медленно и злое еще отворялись и, постояв неподвижно несколько секунд и подумав, вдруг захлопывались с таким звоном, что с потолка сыпалась штукатурка». О саде: «Я думал о нем, как о живом существе. Он был молчалив и терпелив ждал того времени, когда я пойду поздним вечером к колодезю за водой для чайника». О дожде: «Он не шумел равномерно за окнами, как полагается дождю, как как-то небрежно, будто раздавая пинки и пощечины, шлепал по тротуару и по лужам то тут, то там. После каждого шлепка он затихал и прислушивался к недовольным голосам».

Я ни у одного писателя не встречала таких своеобразно-образных и в то же время простых, ненадуманных выражений, как у Паустовского.

«Осень пришла врасплох и завладела землей».

«В небе, затянутом дымом, солнце висело, как багровый паук на плотной седой паутине».

«Она села рядом с нами и, всасывая воздух сквозь сиснутые от боли зубы, подняла раненую ногу».

Будучи на севере у Онежского озера, он поднял глаза к предутреннему небу и увидел звезды не такими, какими видел их на юге. Это тоже не ускользнуло от его взгляда и он пишет: «Венера переживалась, как капля алмазной влаги на зеленоющем предрассветном небе». Или: «Стекла в окнах обледенелых домов слезились, как опухшие от голода глаза». Видно, не раз писателю случалось видеть глаза голодных.

Он видел и чувствовал окружающую его жизнь по-своему. Неповторимо по-своему. «Стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнет настойчиво дышать в лицо холодноватую свеже-

стью своих загадочных черных пространств».

Курлыканье журавлей он сравнивает с переливанием воды из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же. Поздняя весна у него в лиловых облаках сирени.

Его произведения не лишены и тонкого юмора, который не сразу бросается в глаза. «Копилка гасла не только от самого слабого колебания воздуха, но даже от пристального взгляда».

Книги Паустовского — это его автобиография с зарисовками тех мест, где он жил более или менее продолжительное время, его встречи с людьми разных слоев в разных республиках Советского Союза.

О писателе Паустовский пишет: «Нужно беречь время, силы и талант писателей, а не разменивать их на изнурительную околотитературную возню и заседания. Писателю, когда он работает, нужны спокойствие и, по возможности, отсутствие забот. Если впереди ждет какая-нибудь даже отдаленная неприятность, то лучше не брать ее за рукопись. Перо будет валиться из рук или изпод него поплывут вымученные, пустые слова...»

Паустовский оставил нам ряд литературных портретов писателей — русских и иностранных, его современников и уже ушедших, которые окали за ним его влияние. Тут и Эдуард Багрицкий, и Юрий Олеша, Константин Федин и Михаил Пришвин, которого Паустовский называет чудодеем в описании природы. Его душе близки сказочники — датчанин Андерсен и наш Александр Грин. Он говорит об Александре Блоке, с которым ему не пришлось ни встретиться, ни слышать его, хотя Блок стоял в ряду любимых.

Как и Блок, Паустовский знал и старую и новую Россию. Он считает, что нельзя знать новую Россию не зная старой, не зная всего, что «чужд научила и меряла меряла», не зная старой деревни, не зная очарованных странников, бродивших по всей стране, не увидев заката в крови над Куликовым полем». Описывает он встречи с Юрием Олешей, последняя из которых произошла в июле 1941 года, когда Паустовский с фронта приехал в Одессу. Довелось ему и видеть Олешу мертвым. «Он лежал в гробу в стареньком пиджаке. Этот пиджак я видел на нем много лет».

Бунинным Паустовский зачитывался еще будучи гимназистом. Узнав, что Бунин повел свое детство в деревне где-то между Ельцом и городком Ефремовым, он захотел поглядеть бунинские места и в 1916 году он едет в Ефремов. «Тогда в Ефремове вошла в меня бунинская Россия и завладела мной надолго», — пишет он.

О заграничной жизни Бунина Паустовский пишет, что тот до конца тяжело страдал по России в чужих странах Парижа и Граса, но умалчивает о том, что Бунин страдал по прежней России.

Паустовский отмечает особенность работы писателей, с которыми сталкивалась его жизнь. Багрицкий записывал внезапно возникающие рифмы и мысли на спичечных коробках, многие из которых потом терял; Гайдар, с которым Паустовский одно время жил в деревне и ходил на рыбную ловлю, обдумывал образы на ходу. Одни писатели могли работать только по утрам, другие просиживали за письменным столом ночи, а иные записывали отдельные части и только позже собирали их в одно стройное целое.

Паустовский поехал не только по своей стране, а побывал и за границей — в Греции, Италии, Бельгии, Франции, Польше. Но где бы он ни был, в каких бы усло-

виях не находился, нигде он не изменял себе. Жизнь, давшая ему, была ему, как стра.

Прочтите описание его пребывания в Одессе в первые годы революции с ее разрухой, голодом и холодом и вы поймете, что не условия жизни, а творчество писателя было главным двигателем его жизни. Позже, когда ему пришлось колесить по всей стране, очень часто денег у него хватало только на стакан чаю, но это не отражалось на его восприятии мира. И еще позже, когда популярность его, как писателя, продолжала расти и он уже мог себе позволить лишнее, он предпочитал скромное существование. Крестьянская изба, заросли на берегу пруда или реки, простые, бесхитростные люди с своим образом их говора привлекали его больше, чем жизнь в душном городе среди коллег. Но не всегда жизнь позволяла долго наслаждаться деревенским покоем и тишиной, она звала его дальше в неведомые дали и он шел на ее зов.

Его описания по красочности и образности языка не уступают классическим произведениям известных писателей, а многие превосходят их. С годами талант его совершенствуется все больше. Читателю не нужно напрягать внимания, образы сами выйдут и воспримутся им именно такими, какими изобразил их Паустовский.

«Листья висели, как в ледяной, пока не налетит неизвестно откуда взявшийся ветер и не пероворачивал их кверху изнанкой».

«За хлебами лежали, прикорнувшись к земле, сотни деревьев... От них долетал, — так по крайней мере мне казалось, — запах только что испеченного ржаного хлеба, исконный и приветливый запах русской деревни».

Паустовский вобрал в себя картины русской природы, и, еще не мечтая о поездке за границу, мысленно себе говорил: «Вот этот черт полых ты вспомнишь когда-нибудь, когда будешь пролетать над Средиземным морем. Если, конечно, ты туда попадешь. А этот последний, рассеянный в небесном пространстве розовеющий луч солнца ты вспомнишь где-нибудь под Парижем. Но, конечно, если и туда ты попадешь». Позже все сбылось так, как он думал, стоя на тропинке, ведущей к Ильинскому омуту.

В 1962 году он был на Конгрессе европейского общества писателей в Италии. Воспользовавшись этой поездкой, Паустовский посетил и другие города Италии.

В Милане он не мог оторвать глаз от «Тайной вечери» Леонардо. Об этом он записывает: «Она производит впечатление чуда. Это впечатление остается на всю жизнь... после встречи с «Тайной вечерей», как со всяким великим произведением искусства, хочется не умереть, а жить... чтобы увидеть всю красоту мира во всех ее выражениях».

Побывал и в Риме.

Везде, где бы он ни был за границей, его поражала приветливость людей. Об этом он пишет: «Вообще у нас до сих пор существует превратное впечатление о многих вещах на Западе. Мы удивляемся, когда видим ласковых и добродетельных кондукторов автобусов, шутильчиков и заразительно хохочущих на посту полицейских, детей, внимательных к взрослым, шоферов такси, у которых, как это ни странно, всегда находится сдача».

Из этой поездки в Москву Паустовскому пришлось возвращаться не через Францию, а через Брюссель, где пришлось ожидать аэроплана на Москву сутки. У пассажира не было бельгийский визы и они не могли сойти на

землю. Каково же было удивление Паустовского, когда жандарм выдал всем визы, деньги на гостиницу и на другие расходы. Об этом Паустовский пишет: «Меня, как «размагнитченного интеллигента» все время смущала в Брюсселе мысль, что «Сабина» (воздушное агентство. Н. Л.) на нас ничего не заработала, а, может быть, наоборот, даже добавила свои деньги».

В Польше Паустовский побывал три раза: во время первой и второй мировых войн в качестве военнообязанного и третий раз в 1961 году. Об этой стране он пишет, что во все три свои посещения он нигде не видел там злых и надменных по самой своей природе бюрократов. В Люблине ему пришлось быть во время первой мировой войны и познакомиться с тамошним воеводой, на столе которого стоял бронзовый бюст Пушкина. Воевода показал Паустовскому свою записную книжку, в которой были записаны все адреса писателей, художников, композиторов и ученых, живших в Люблине. По этим адресам время от времени он обходил их, чтобы поговорить и выпить чашку чаю, а мимоходом выяснить, не нуждается ли в чем либо каждый из них. В последний свой приезд в Польшу в 1961 году Паустовский побывал в страшном лагере смерти Освенциме. Об этом он записывает: «Освенцим сохранен для того, чтобы вы никогда не забывали о чудовищной жестокости, на которую способен человек... все, что осталось от Освенцима, похоже на галлюцинацию... Освенцим — лагерь убийств, удушений, пыток, отчаяния, неслыханных зверств. Но не будем так тяжело оскорблять зверей. Ни один зверь не способен на подлость, какие совершались здесь дикое существо, считавшие себя людьми». И дальше: «Невыразимо хочется бежать отсюда к мирной жизни, к огням, смеху, музыке, любимым книгам и друзьям». Паустовский не посмел, как не посмели некото-

рые другие советские писатели, написать, что такие же лагеря существуют и в Советском Союзе.

Везде, где Паустовский побывал за границей, он старался найти места, связанные с памятью замечательных людей. На эту тему ему пришлось как-то поспорить с не так давно умершим американским поэтом Робертом Фростом. «Этот едкий и умный старик сказал тоном, не допускавшим никаких возражений, что он ненавидит всякие мемориальные места и ни капли бы не пожалел, если бы их вовсе не было на свете». Паустовский же считает, что жизнь потеряла бы смысл, если бы молодость не знала работы старших поколений.

Восхищаясь и преклоняясь перед великими произведениями искусства Запада Паустовский всему виденному предпочитает свою родину. В чужих странах он до боли остро ощущал тоску по всему, с чем был связан всю жизнь, тоску по родной ему природе, по своеобразному говору народов своей страны. Не успев он приехать в прекрасную Францию, которую полюбил давным-давно, как его потянуло домой к такой малости, «как уютный шафранный луч солнца на бревенчатой стене старой избы» и мысленно отповоргал знакомые с детства слова: «На Руси святой петухи кричат, — скоро будет день на святой Руси».

Если при Сталине у всех писателей был зажат рот, то в постсталинский период Паустовский безоговорочно встал на путь свободы слова. В 1956 году он первый выступил в защиту Дудинцева. В 1957 году подписал письмо, солидаризируясь с требованием Александра Солженицына об отмене цензуры печати. Делу раскрепощения слова послужили и изданные под покровительством Паустовского «Тарусские страницы», где печатались произведения писателей, забра-

кованные партийными издателями.

Злая болезнь оборвала его жизнь. Паустовский умер в Москве 14 июля 1968 года. Гроб его, перенесенный в Центральный Дом Литераторов, был засыпан цветами и венками. Народ оценил утрату большого писателя. Никто из литераторов не решился произнести большой речи над его гробом, ограничившись несколькими, ничего не говорящими фразами. Только его друг Шкловский, чуть не плача, сказал прочувствованное слово. Зал не мог вместить всех желающих попрощаться со своим писателем, огромная толпа осталась ожидать выноса на площадь. Из ее рядов то и дело слышались возгласы: «Умер великий русский писатель». — «Мы потеряли человека, который был совестью России». Вся площадь была оцеплена отрядами милиции, сдерживавшей напор толпы. При выносе гроба народ бросал в машину и под ее колеса цветы.

Погребение состоялось в Тарусе на берегу Оки, где Паустовский провел последние годы своей жизни и где завещал себя похоронить среди полюбившейся ему природы, вдали от шума и суматохи человеческой такими нелюбимыми. В самом городе и в близлежащих деревнях на всех домах были вывешены траурные флаги. При появлении процессии в городе оркестр играл «Реквием» Моцарта.

Огромная толпа деревенских жителей, многие из которых пришли издалека, отдала последний долг писателю. Из Москвы пришло немало людей старого поколения, но известных советских писателей не было видно. Путь к могиле лежал через овраг, который люди, дружно работая, за ночь засыпали и проложили тропу.

О Паустовском еще будут много писать и в нынешней России, и в той, которая придет.

Наталья Логунова